

DOI 10.15826/izv2.2020.22.2.030
УДК 376.7:94(470.5)

Л. А. Дашкевич
Институт истории и археологии УрО РАН
Екатеринбург, Россия

РУССКО-БАШКИРСКИЕ ШКОЛЫ ЕКАТЕРИНБУРГСКОГО УЕЗДА: ОПЫТ НАЦИОНАЛЬНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЗЕМСТВА

В статье анализируется опыт национально-образовательной деятельности Екатеринбургского уездного земства во второй половине XIX — начале XX в. Отмечается, что первоначально земство обратилось к общероссийской практике открытия русско-инородческих училищ в соответствии с Правилами от 26 марта 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев». Все заботы об открытии и хозяйственном состоянии русско-башкирских школ в уезде Екатеринбургское земство взяло на себя, ставя задачу развития просвещения среди населения районов, неблагополучных в экономическом отношении. Деятельность земства по открытию русско-башкирских школ не всегда встречала сочувствие в мусульманском обществе. В 1898 г. сорвалось открытие школы в Караболке, в 1902 г. была закрыта школа в Асаново. Тем не менее, постепенно сеть русско-башкирских училищ расширялась. В 1917 г. действовало 6 учебных заведений этого типа (Берденишское, Саринское, Калужбаевское, Карабольское, Алабужское, Старо-Асановское).

Либерализация вероисповедной политики правительства после революции 1905 г. привлекла внимание земских деятелей к конфессиональным школам уезда. С 1908 г. началась выдача земских пособий этим учебным заведениям, общая сумма которых составляла в 1916 г. 3 915 руб. Практика национально-образовательной деятельности Екатеринбургского уездного земства в целом была вполне либеральной и не носила русификаторской направленности. Оказывая помощь «новометодным» конфессиональным учебным заведениям, земство демонстрировало уважение к традиционному культу и историческому прошлому мусульманского населения и добивалось тем самым взаимодействия с местными общинами. Лидеры мусульманского населения надеялись на усиление национальных элементов в образовании. После Февральской революции появился проект члена Екатеринбургского уездного комиссариата С. С. Хамзина, в котором говорилось о необходимости преобразования русско-башкирских школ в национальные училища. Уездное земство отложило вопрос об организации национальных школ до создания в уезде мусульманских волостных земств. Завершить эти преобразования, однако, земству не удалось.

К л ю ч е в ы е с л о в а: Урал; национальное образование; земство; мусульманство; русско-башкирские школы

Ц и т и р о в а н и е: Дашкевич Л. А. Русско-башкирские школы Екатеринбургского уезда: опыт национально-образовательной деятельности земства. DOI 10.15826/

izv2.2020.22.2.030 // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 2 : Гуманитар. науки. 2020. Т. 22. № 2 (198). С. 166–180.

Поступила в редакцию: 26.01.2020

Принята к печати: 08.04.2020

Liudmila A. Dashkevich

*Institute of History and Archaeology UB RAS
Yekaterinburg, Russia*

RUSSIAN-BASHKIR SCHOOLS OF YEKATERINBURG UYEZD: THE EXPERIENCE OF NATIONAL EDUCATIONAL ACTIVITY OF THE ZEMSTVO

This article analyses the experience of the national educational activity of Yekaterinburg Uyezd Zemstvo between the second half of the nineteenth and early twentieth centuries. It is noted that initially, the zemstvo turned to the all-Russian practice of opening Russian and non-Russian vocational schools in accordance with the Rules from March 26, 1870 “On Measures for the Education of Non-Russians Living in Russia.” The establishment and economic maintenance of Russian-Bashkir schools in the region was carried out at the expense of Yekaterinburg Zemstvo, setting the task of enlightening the population of economically disadvantaged areas. The activity of the Zemstvo in opening Russian-Bashkir schools was not always met with support in the Muslim community. In 1898, the opening of the school in Karabolka was disrupted, and in 1902 the school in Asanovo was closed. However, gradually, the network of Russian-Bashkir schools expanded. In 1917, there were six educational institutions of this type (in Berdenish, Sary, Kaluzhbaeva, Karabolka, Alabuga, and Staroe Asanovo).

Following the Revolution of 1905, the liberalisation of the religious policy of the government attracted the attention of zemstvo leaders to the confessional schools of the uyezd. Starting from 1908, zemstvo benefits began to be paid to these educational institutions amounting to 3 915 roubles in 1916. The practice of national educational activity of Yekaterinburg Zemstvo was quite liberal and did not have a Russification focus. By aiding the confessional educational institutions of the “new method”, the zemstvo showed respect for the traditional cult and historical past of the Muslim population and thereby sought interaction with the local communities. Muslim leaders, however, hoped to strengthen national elements in education. After the February Revolution, S. S. Khamzin, member of the Yekaterinburg Uyezd Commissariat, released a project, insisting that Russian-Bashkir vocational schools should be transformed into national schools. The uyezd zemstvo postponed the question of organising national schools until the establishment of Muslim volost zemstvos in the uyezd. However, the zemstvo failed to complete these transformations.

Keywords: Ural; national education; zemstvo; Islam; Russian-Bashkir schools

For citation: Dashkevich, L. A. (2020). Russko-bashkirskieshkoly Ekaterinburgskogo uezda: opyt natsional'no-obrazovatel'noi deiatel'nosti zemstva [Russian-Bashkir

Schools of Yekaterinburg Uyezd: The Experience of National Educational Activity of the Zemstvo]. *Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2: Humanities and Arts*, 22, 2 (198), 166–180. doi: 10.15826/izv2.2020.22.2.030

Submitted: 26.01.2020

Accepted: 08.04.2020

Проблемы «инородческого» аспекта образовательной политики Российской империи включены в широкий спектр исследовательских интересов современных исследователей, анализирующих процессы интегрирования территорий национальных окраин в имперское пространство. Историки признают, что русско-инородческое образование в XIX — начале XX в. было одним из инструментов «мягкой силы» империи, стремившейся включить этнически разнообразные регионы в политико-правовое и социокультурное пространство государства и сформировать единую идентичность «российского подданного» [Любичанковский, с. 86; Тихонов, с. 186; Миллер, с. 71; Павлинова, Старостин, Ярков, с. 81].

Развитие образования в регионах зависело от взаимодействия многих акторов, преследовавших зачастую разные цели (государства, земства, религиозных общин, общественных организаций, национальной интеллигенции и пр.). В настоящей статье мы обратимся к опыту национально-образовательной деятельности Екатеринбургского уездного земства. Екатеринбургский уезд являлся многонациональным краем. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 г. 3,4 % его жителей (14 119 из 412 296 человек) составляли нерусские народы: татары, башкиры, мещеряки, марийцы, удмурты, коми и пр. [Первая всеобщая перепись..., с. 109]. Большая часть их исповедовала ислам. К вопросу об открытии школ в мусульманских деревнях уезда Екатеринбургское земство впервые обратилось в 1878 г. На заседании уездного земского собрания IX очередной сессии, состоявшемся 5 октября 1878 г., прозвучал доклад уездной земской управы о народном образовании, в котором сообщалось, что она «сочла необходимым озаботиться открытием училищ в волостях с башкирским населением». Толчком к этому стало отношение пермского губернатора от 17 мая 1876 г. о порядке открытия инородческих училищ. Для выяснения обстановки в башкирских селениях туда был отправлен член управы Владимир Васильевич Карташев, которому поручалось убедить башкир принять участие в создании местных училищ наравне с остальными жителями уезда. На VI очередном уездном земском собрании в 1875 г. решено было ассигновать деньги на содержание начальных учебных заведений лишь в том случае, если общество давало для них квартиры с отоплением и освещением [Журналы... 1878, с. 274]. Однако башкирские сельские общества не спешили соглашаться на эти условия.

В 1888 г. XIX очередное уездное земское собрание вновь поручило управе принять меры для открытия школ в башкирских волостях. Руководители управы решили найти более приемлемую для башкирских селений форму образования и обратились за советом к инспектору русско-инородческих школ Оренбургского

учебного округа В. В. Катаринскому. Из переписки с ним выяснилось, что школы для мусульман не могут быть открыты так, как все остальные земские школы. Для них действуют особые правила от 26 марта 1870 г. «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев», согласно которым все заботы об открытии и хозяйственном состоянии этих учебных заведений земство должно было взять на себя: найти для школ помещения, содержать их, оплачивать труд учителей. Управление же учебной частью русско-инородческих школ и назначение в них учителей принадлежало ведению особых инспекторов, подчинявшихся Министерству народного просвещения. В учебном плане русско-инородческие школы не подчинялись ни земскому собранию, ни училищному совету. Исследователи отмечают, что правила 1870 г. ввели в жизнь новый тип начальной школы для нерусского населения империи, в основу которой были положены идеи видного востоковеда, миссионера и педагога Н. И. Ильминского. Первоначальное обучение «инородцев» в этих школах должны были осуществлять учителя из той же среды, что и учащиеся, хорошо знающие их образ жизни, нравы и обычаи и в то же время владеющие русским языком. Учебный курс русско-инородческих училищ включал в себя русский язык, чистописание, арифметику и мусульманское вероучение. Устные объяснения по учебным предметам учителя могли вести в школе на родном для учащихся языке. К преподаванию вероучения допускались муллы [Азаматова, с. 124]. Специалисты Екатеринбургской уездной земской управы подсчитали, что для устройства одной подобной школы необходимо выделить 2 150 руб. (1 500 — на постройку здания, 600 — на содержание учителя, 50 — на книги и принадлежности) [Доклады..., с. 42]. Подсчеты управы были предварительными и остались без последствий, средства на создание русско-башкирских школ XIX земским собранием в бюджет заложены не были.

Развивать образование в уезде без учета потребностей башкирского населения, однако, органы местного самоуправления не могли. В 1895 г. на XXVI очередном уездном земском собрании прозвучал доклад управы о необходимости введения в уезде всеобщего обучения, где отмечалось, что наибольшие затруднения в этом процессе представляют именно башкирские волости, где «на участие в расходах со стороны сельских обществ рассчитывать нельзя, как отчасти по бедности населения, так и по недоверию его к русской школе, а так как никакого здания для помещения школы, хотя бы временно, здесь найти невозможно, то сразу приходится строить дома, исключительно притом на земские средства, что может представить риск на случай, если бы русская школа не привилась среди башкир» [Журналы... 1895, с. 66]. Постановлением собрания были выделены средства для создания первой в уезде русско-башкирской школы. Вопрос об открытии этой школы был решен после поездки по мусульманским деревням уезда члена Екатеринбургской уездной земской управы Евлампия Дмитриевича Подосенова. В ноябре 1896 г. он посетил Саринскую, Карабольскую и Кульмяковскую волости и выяснил, что наиболее удобным местом расположения русско-башкирской школы может стать деревня Асанова, находящаяся в центре нескольких башкирских населенных пунктов Саринской волости. Довольно

радушный прием в деревне ему оказал местный мулла Гариф. По словам Подосенова, он «отнесся весьма сочувственно к мысли открыть училище в деревне Асановой с программой, более обширной и лучшей, чем простое их медресе; с удовольствием обещал оказать все свое влияние на однообщественников, чтоб отдали детей своих во вновь открываемое для них училище» [ГАСО, ф. 18, оп. 1, д. 355, л. 1]. Наиболее подходящим для школы был признан дом местного крестьянина Османа Мухамедиарова, он был довольно просторным, состоял из пяти комнат, четыре из которых вполне можно было превратить в классы.

Соглашение об аренде дома под русско-башкирскую школу в деревне Асановой было подписано 1 февраля 1897 г. Осман Мухамедиаров согласился передать под школу половину своего дома, состоявшую из двух комнат и сеней. Договор был заключен на год с условием «получать из Екатеринбургской уездной земской управы по пяти рублей в месяц, а всего в год шестьдесят рублей» [Там же, л. 38]. Договор был подписан домовладельцем Мухамедиаровым и первым учителем русско-башкирской школы в Екатеринбургском уезде Терегуловым. Любопытно, что Осман Мухамедиаров оставил на документе подпись на арабском шрифте, а Терегулов — на русском. Хусаин Мухаммедов Терегулов был рекомендован Екатеринбургскому уездному земству в качестве учителя инспектором инородческих училищ Оренбургского учебного округа В. В. Катаринским. Инспектор сообщил в своем письме, что Терегулов является дворянином-магометанином, он окончил курс в Оренбургской татарской учительской школе и уже имеет учительскую практику [ГАСО, ф. 18, оп. 1, д. 355, л. 9].

Учебные занятия в Асановской русско-башкирской школе начались 3 февраля 1897 г. В честь открытия школы было отслужено «молебствие о здравии Его императорского величества государя нашего Николая Александровича с государыней, о здравии училищного начальства и о благоденствии местного земства», на котором присутствовали местные муллы с почетными стариками [Там же, л. 13]. В первый день в школу явилось 8 человек, через несколько дней их стало 16, затем 20. Дети учились читать и писать по-русски, обучались счету и грамоте. Магометанское вероучение преподавал отец асановского муллы Гарифа Мухаметша Мухамедиаров. Сам мулла вести занятия отказался, так как «на его руках находилось медресе», в котором, кстати, обучалось около 70 ребят [Там же, л. 1 об.].

Открыв школу, учитель Терегулов попытался получить от земства пособие для бедных учеников вещами и съестными припасами. 14 ноября 1897 г. он известил уездную управу о том, что «по случаю неурожая хлебов в этом году у бедных родителей к пропитанию детей и самих себя нет ничего. Голодовка грозит скорым ослаблением учебного дела: голодные дети посещать училище перестанут. И напротив, хоть один раз в день я накормлю их, они будут посещать училище аккуратно и ученье пойдет успешно» [Там же, л. 41 об.]. В этой просьбе, однако, учителю было отказано. На помощь училищу пришли частные благотворители. В 1898 г. «на кормление бедных учеников» в Асановское училище поступили 25 руб. от торгового дома братьев Агафуровых, одежду для детей стоимостью

в 10 руб. пожертвовал бывший член Екатеринбургской уездной земской управы Е. Д. Подосенов, такую же сумму перевела из Санкт-Петербурга известная благотворительница И. Г. Огнева. Секретарь управы Л. П. Титов передал в училище портрет государя императора [Журналы... 1898, с. 337].

Не пошло навстречу учителю земство и в его стремлении наладить в училище профессиональное образование. 21 апреля 1897 г. Х. М. Терегулов писал члену Екатеринбургской уездной земской управы А. Д. Удинцеву:

Познакомившись с асановцами, я узнал следующее. После голодного 1892 года они сильно обеднели, скота у них осталось немного, так что многие из них вовсе пешие, коров и овец тоже очень мало. Башкиры возделывают землю очень мало, а отдают в аренду крестьянам государственным и заводским, которые с успехом занимаются земледелием. Несмотря на то, что они имеют огромные обильные рыбой озера, рыболовством не занимаются, а отдают озера арендаторам и эти арендаторы иногда выуживают рыбу на сумму, равную годичной арендной плате за целое озеро. Пчеловодство у них когда-то было, но теперь перевелось. Огородов у них очень редко и в них растят исключительно несколько гряд картофеля. Лен и коноплю они не сеют [ГАСО, ф. 18, оп. 1, д. 355, л. 28].

Учитель мечтал открыть при школе образцовый огород, обучать башкирских детей земледелию и пчеловодству и надеялся на помощь земства, которое сможет приобрести для училища собственное здание и построить для учащихся общежитие.

А. Д. Удинцев рассказал о планах учителя Терегулова земской управе и поделился своими мыслями о необходимости устроить при Асановской русско-башкирской школе сельскохозяйственный приют по образцу учреждения, существующего в деревне Надыров мост Шадринского уезда. С этим учреждением он познакомился в 1896 г., побывав там вместе с доктором Н. А. Русских. Земская управа доложила об этих планах развития национального образования XXVIII очередному уездному земскому собранию (1899), однако одобрения не получила. Собрание посчитало планы управы преждевременными. В постройке собственного здания и общежития для русско-башкирской школы в деревне Асановой было отказано, «так как ввиду предстоящих затруднений по продовольствию населения в школу могут идти не ради учения, а ради продовольствия» [Журналы... 1897, с. 92]. Разрешено было лишь увеличить средства на содержание Асановской школы, наняв вторую половину дома.

В докладе уездной управы XXVIII земскому собранию в 1897 г. высоко оценивался опыт Асановской русско-башкирской школы, которая показала, по мнению членов управы, «желательный тип этих довольно своеобразных учреждений». Исходя из этого опыта, управа предлагала открыть второе русско-башкирское училище в деревне Караболка. Средства для этого она планировала получить со стороны. Управа получила сведения о том, что известный всей России жертвователю на дело народного образования П. И. Маслов оставил по духовному завещанию крупный капитал на устройство народных школ в глухих местах России. Комиссия по исполнению духовного завещания умершего

благотворителя могла бы ассигновать 10 тыс. руб. на устройство русской школы в Башкирии. Предлагалось возбудить от имени земского собрания необходимое ходатайство перед комиссией и указать в нем, что школа будет содержаться на проценты с капитала, переданного Екатеринбургскому земству. При этом, однако, управа предупреждала, что процентов с масловского капитала будет достаточно только на жалование учителю. Со стороны земства потребуются дополнительные расходы: на покупку земли, постройку здания школы, приобретение школьной обстановки. Раскладочная комиссия посчитала эти расходы чрезмерными и рекомендовала собранию отказаться от этого предложения. Русско-башкирскую школу в Караболке решено было открыть на собственные средства в наемном доме. На эти цели было выделено 600 руб. [Журналы... 1897, с. 92].

История открытия русско-башкирской школы в Караболке, однако, оказалась не столь радужной, как в Асаново. Здесь оправдались предположения некоторых членов управы о риске «на случай, если бы русская школа не привилась среди башкир». В деревне Караболка план открытия русско-башкирской школы не встретил сочувствия. Не нашел взаимопонимания с местными жителями и назначенный в Карабольскую русско-башкирскую школу учитель, воспитанник Казанской татарской учительской школы Мухаммед-Рахим Терегулов. Приехав в деревню 25 августа 1898 г., он попытался найти квартиру для училища и за довольно большую цену (10 руб. в месяц) договорился с местным крестьянином Мухаммедом Зарыповым о сдаче внаем его дома. Дом был не слишком удобен для учения, он состоял всего из двух комнат. Вероучителем в школе согласился быть имам второй Карабольской мечети Камалетдин Габдулкадыров: он, однако, поставил условие о переносе школьной квартиры в тот район, где проживал сам. Учитель не смог найти нужную квартиру, что стало, очевидно, причиной его разлада с имамом. 5 сентября 1898 г. Терегулов писал в уездную управу, что «часть населения сильно возмутилась против меня». Через несколько дней, 12 сентября, он сообщил, что под влиянием односельчан от ранней договоренности о сдаче квартиры отказался Мухаммед Зарыпов. «Общество настроено против меня, — писал Терегулов, — и собираются гонять». Опасаясь преследований, учитель уехал в деревню Асаново. 19 сентября Карабольское волостное правление сообщило уездной земской управе, что на сельском сходе Карабольского общества «общественники единогласно объяснили, что открыть русско-башкирскую школу в деревне Караболке они совсем не желают, квартиру для нее и приговора о принятии школы никто из них не дает» [ГАСО, ф. 18, оп. 1, д. 355, л. 57]. Уездная управа поручила учителю Терегулову поискать квартиру для размещения училища в соседней деревне Бердениш. 25 сентября 1898 г. договор о найме квартиры для училища в Берденише был заключен, в октябре оно начало работу [Там же, л. 70].

Сложности взаимодействия с местным башкирским населением остудили стремление земства к расширению инфраструктуры русско-инородческих училищ. На XXX очередном земском собрании (1899) был поставлен вопрос

об устройстве при русско-башкирских школах бесплатных столовых, на что требовалось ассигновать 600 руб. В. В. Ковалевский от лица раскладочной комиссии высказался против этого предложения, заявив, что «вопрос о бедности и нищете башкир — вопрос старый, причины этого — лень и другие отрицательные стороны башкирской жизни» [Журналы... 1899, с. 8]. Бедность башкирского населения, действительно, была одной из основных экономических проблем Екатеринбургского уезда. По сведениям земской управы, в 1900 г. задолженность юго-восточных волостей уезда, заселенных в основном башкирами, составляла $\frac{9}{10}$ общей суммы земских недоимок [Журналы... 1900, с. 6].

По мнению Ковалевского, создание бесплатных столовых лишь поощрит отрицательные стороны башкирского народа, следует, конечно, «стремиться к наибольшему образованию башкирского населения для достижения указанных членами училищного совета целей — поднятия нравственного и экономического уровня башкир; но следует достигать этого обычным путем, то есть путем увеличения числа школ, но никак не теми мерами, как бесплатная кормежка, которая никаких положительных результатов принести не должна» [Журналы... 1899, с. 8]. Заявление Ковалевского вызвало бурные прения. Многие участники земского собрания считали, что нужно привлечь в русско-башкирские школы как можно больше учащихся, лишь образование поможет башкирам преодолеть бедность и нищету. Но большинством голосов собрание отказало в ассигнованиях на бесплатные столовые. Не получила одобрения и идея построить в деревне Асанова собственное здание для русско-башкирской школы, квартиру для учителя и общежитие с надворными постройками, в решении собрания это мотивировалось тем, что «положение Асановской школы еще далеко не выяснилось, школа там недавно, как она будет поставлена и какое будет число учеников, сказать трудно» [Журналы... 1899, с. 18].

Асановское училище оказалось в очень трудном положении. Школьное помещение не ремонтировалось ни земством, ни хозяином дома. В марте 1902 г. учитель Терегулов писал: «Имею честь уведомить уездную управу, что квартира Асановского училища, дом башкирца Османа Мухамедиарова, нуждается в ремонте. В стенах много дыр, через которые дует сквозной ветер, двери рассохлись, оконные рамы сгнили. В одной комнате грозит пасть потолок, крыша старая и пропускает сквозь себя дождь так, что мочит школьные вещи. Печи дымят, ворота дырявые, задние ворота никогда не запираются так, что скотина и люди ходят днем и ночью через двор насквозь. Крыша, куда ходят дети, тоже грозит пасть и обрушиться. Хозяин дома Мухамедиаров по условию тому назад два года обязался снабжать училище дровами, но снабжает плохо, топим печь вицами, и то рубит вицы сторож, которая работа ему часто приходится невмочь и не успевает наготовиться в холодные зимние дни. Вследствие вышеизложенного прошу управу при заключении нового договора с Мухамедиаровым о найме квартиры обязать его произвести надлежащий ремонт под наблюдением земской управы, авансу на заготовление дров ему не доверять, обязать устроить отхожее место для учеников, ворота и крышу исправить, отводить помещение

для школьных дров» [ГАСО, ф. 18, оп. 1, д. 355, л. 72]. Уездная земская управа согласилась с мнением учителя Терегулова и попросила его взять на себя присмотр за ремонтом дома, но тот отказался, уведомив управу, что собрался летом поехать с семейством на побывку к своим родным. Уехав на родину, Терегулов обратно не вернулся. Необходимый ремонт в школе к началу учебного года не был сделан и решено было школу закрыть. В октябре 1902 г. все вещи Асановской русско-башкирской школы были перевезены в кладовые Каслинского арестного дома [Там же, л. 89].

Таким образом, в 1902 г. в Екатеринбургском уезде действовала всего одна русско-башкирская школа — Берденишская, в которой дела обстояли не лучше, чем в Асановской. В мае 1903 г. учитель Берденишской школы Мухаммед-Зариф Нагимович Ибрагимов доносил земской управе о том, что школьный дом, нанятый у крестьянина Абдулмажитова, нуждается в срочном ремонте, так как «во всех комнатах сильно дует через полы, с боков через стены, двери и окна, в подполье завалин нет, а снаружи фундамент заваливается в то время, когда наступает мороз». Учитель жаловался, что «дрова, которыми снабжает для отопления школы Абдулмажитов, состоят из мелкорастущего березняка, от которого нет тепла; они всегда сырые». Хозяин дома, по его словам, не выполнил ни одного пункта своего договора и вперед нельзя рассчитывать на улучшение школьного дела, так как Абдулмажитов «все обещается, да обещается, а деньги все вперед забирает из земства». Учитель считал необходимым построить для училища собственный дом [ГАСО, ф. 18, оп. 1, д. 355, л. 106]. Земская управа, однако, решила настоять на ремонте нанятого дома. Надо сказать, что хозяин дома, опасаясь потерять деньги за аренду, пошел на все условия земства и к началу нового учебного года полностью отремонтировал школьное помещение [Там же, л. 99–101].

В декабре 1904 г. открылась вторая русско-башкирская школа, для нее удалось снять дом крестьянина В. И. Алексеева в деревне Сары. Туда было перевезено имущество закрытой Асановской школы. Преподавателем Саринской школы стал башкирский учитель Шагимардан Абдулфаттахов, вероучителем — указной мулла ахун Халилулла Хабибуллин. В апреле 1905 г. мулла обратился к земству с предложением отстроить для школы на свои средства новое здание. Здание это, общей площадью не менее 180 квадратных аршин, должно было состоять из двух отделений: одно — для школьных классов, второе — для квартиры учителя. Постройку школьного помещения мулла обязывался окончить к 1 сентября 1905 г. и передать его земству в аренду на три года [Там же, л. 132–133]. Заслуги Х. Хабибуллина в школьном деле были учтены уездным земством. Очередному XXXVII уездному земскому собранию в 1906 г. вероучитель русско-башкирского училища представил ходатайство, где указал, что он уже давно состоит учителем татарского и арабского языков в Саринском медресе, где обучается более 100 мальчиков, а за свои труды не получает никакого вознаграждения. Между тем, как писал Хабибуллин, обучение башкир магометанской грамоте необходимо, так как в редкой деревне найдется башкир, умеющий с грехом пополам

подписаться по-татарски. Необразованность же башкир мешает распространению среди них русской грамоты. Решением собрания мулле было выделено за его преподавание в медресе 60 руб., а его помощнику — 30 руб. [Журналы... 1906, с. 63–64, 525].

Ходатайство Х. Хабибуллина стало сигналом для учителей других мусульманских школ. В 1907 г. XXXVIII Екатеринбургское уездное собрание получило ходатайства о пособии на школы от мулл Саринского, Алабужского и Калужбаевского приходов. Мулла Алабужского прихода Вахитов писал:

До сих пор башкирские сельские общества не решались обращаться в земство с ходатайствами о пособии своим родным школам, не надеясь встретить сочувствия земского собрания к этой насущной потребности башкирского народа. Но я предполагаю, что наше почтенное Екатеринбургское земство в состоянии отнестись к удовлетворению нужд башкирского народа с таким же сочувствием, с каким оно относится к развитию народного образования в среде христианского русского населения уезда. Желание башкир быть грамотными на родном языке настолько же естественно, как и желание русских быть грамотными по-русски, поляков — по-польски и т. д. Будучи убежден, что башкирское население до сих пор заблуждалось в своих убеждениях, что будто бы земству свойственно недоброжелательное отношение к национальным и религиозно-нравственным нуждам башкирского народа, я осмелился ходатайствовать пред земским собранием об ассигновании средств на содержание Алабужской башкирской школы хотя бы в половинном размере против того, что ассигнуется на содержание русских начальных народных училищ [Журналы... 1907, с. 168].

Мулла Калужбаевского прихода Хамзин указал в своем ходатайстве на недостатки постановки дела образования в русско-инородческих училищах:

Помощь земства башкирский народ примет с чувством неподдельной радости, поняв, что отныне башкиры — не забытая раса, представленная сама себе и что земское собрание умеет снисходительно относиться к народности и с уважением к религиозным требованиям. Подобным актом справедливости земство рассеет веками сложившееся предубеждение, будто бы задача русского правительства и земства сводится исключительно к обрусению и подавлению религиозных верований инородцев. Сделав первый шаг к удовлетворению нужды башкир в родной грамотности, земство обеспечит в будущем распространение русско-башкирских школ, что, несомненно, значительно двинет умственное развитие народа, благодаря сравнительному богатству литературы на русском языке по всем отраслям знаний. При настоящей же постановке русско-башкирских школ, из которых башкирское юношество выходит почти неграмотным по родному языку, школы эти справедливо признаются башкирами не удовлетворяющими их национальным требованиям [Там же, с. 170–171].

Земство удовлетворило все ходатайства, однако не в полном объеме. Собрание сочло целесообразным применять к мусульманским школам те же правила, что и к русским церковно-приходским. Было решено выделять из земских средств мусульманским училищам по их ходатайствам на учебные пособия 30 руб., на жалованье учителям — 150 руб. и помощникам учителей — 120 руб. в год. Содержание же помещений школ (отопление, охрана, соблюдение

необходимой чистоты), как и в русских церковно-приходских школах, должно было осуществляться местными обществами. Для контроля над мусульманскими школами, получающими пособие от земства, решено было просить кого-либо из уважаемых в городе мусульман стать попечителем этих школ и давать земству ежегодные сведения об их состоянии [Журналы... 1907, с. 14]. Соблюдая эти правила, уездное земство постепенно расширяло практику выдачи пособий конфессиональным школам. Помощь оказывалась так называемым «новометодным» мектебе, включившим в свою программу общеобразовательные предметы. В 1911/1912 учебном году земские пособия получили 12 мектебе с общим количеством учащихся 622 человека (546 мальчиков, 76 девочек) [Журналы... 1912, с. 431], что существенно превосходило число обучающихся в земских русско-инородческих школах. По данным однодневной переписи начальных школ Российской империи 1911 г., в двух русско-башкирских школах Екатеринбургского уезда учились 92 мальчика, а окончили курс в этих учебных заведениях в 1910 г. лишь 4 человека [Однодневная перепись..., с. 7].

В отношении мусульманских конфессиональных школ Екатеринбургское земство проводило довольно либеральную политику, не считая нужным вмешиваться в их внутренние дела. Об этом можно судить по той дискуссии, которая развернулась во время обсуждения вопроса о назначении земских пособий мусульманским мектебе на одном из заседаний 44-го очередного земского собрания в 1913 г. Инспектор народных училищ П. Н. Крылов, представлявший учебное ведомство, предложил ужесточить правила получения земских пособий и выдавать их только тем мусульманским учебным заведениям, в которых изучается русский язык. Гласный В. С. Соловьев высказался против этого предложения, заявив, что в мектебе учатся маленькие дети и даже если послать к ним русского учителя, он едва ли сможет с ними что-то сделать. С. Ф. Злоказов прямо заявил, что если мектебе являются школами духовного направления, то едва ли следует вторгаться в их жизнь. Его поддержал гласный Н. М. Беренов, по мнению которого, следовало «предоставить башкирам вообще вести дело преподавания так, как они находят нужным сами». Собрание отклонило предложение инспектора П. Н. Крылова и в своем постановлении высказало лишь пожелание, чтобы в тех мектебе, которые субсидируются земством, русский язык был введен в курс преподавания [Журналы... 1913, с. 11].

С началом Первой мировой войны, опасаясь распространения идеологии панисламизма и пантюркизма, правительство стало сдерживать развитие мусульманского образования. 17 декабря 1914 г. пермский губернатор приостановил выдачу пособий на содержание башкирских мектебе в Екатеринбургском уезде. В постановлении губернского по земским и городским делам присутствия было записано, что «на основании Высочайше утвержденных 26 марта 1870 г. правил о мерах к образованию инородцев, при мектебе и медресе должны быть открываемы классы русского языка, между тем при субсидируемых Екатеринбургским земством инородческих школах, по отзыву Екатеринбургской земской управы, таких классов не имеется» [Журналы... 1915, с. 224]. Уездная управа,

однако, решила обжаловать это постановление. Мотивируя это решение, раскладочная комиссия земства утверждала, что «мнение о чисто вероисповедном характере преподавания субсидируемых земством башкирских мектебе является совершенно ошибочным и что лишение башкирских мектебе выдававшегося им до сих пор пособия может поселить известного рода антагонизм между башкирским и русским населением уезда на почве как бы оказываемого земством некоторого пренебрежения к нуждам первого из них, в то время как те и другие, то есть и русские, и башкиры, являются одинаковыми плательщиками налогов» [Журналы... 1915, с. 47]. Земское собрание попросило поддержать свое ходатайство об обжаловании постановления губернского по земским и городским делам присутствия «в подлежащих правительственных установлениях» члена Государственного совета, гласного Екатеринбургского земства Ф. А. Иванова. Дело это, очевидно, закончилось для уездного земства успешно, так как в 1916 г. земство вновь выдало пособия мектебе в размере 3 915 руб. [ГАСО, ф. 18, оп. 1, д. 70, л. 22].

Количество русско-башкирских школ, несмотря на их непопулярность в среде мусульманского населения, постепенно росло, так как земство включило их в школьную сеть, планируемую в связи с введением в уезде всеобщего обучения. В 1913 г. была открыта Калужбаевская русско-башкирская школа, в 1915 г. — Карабольская, в 1917 г. — Алабужская и Старо-Асановская. Лидеры мусульманского населения, однако, надеялись на развитие в уезде собственно башкирских учебных заведений. Особенно ярко это проявилось после Февральской революции, когда была изменена система управления начальным образованием. Декрет Временного правительства от 8 мая 1917 г. упразднил уездные училищные советы и передал заведование начальным образованием непосредственно земству. На 36-м чрезвычайном уездном земском собрании, обсуждавшем вопрос о новых правилах управления начальными школами, прозвучал доклад члена Екатеринбургского уездного комиссариата Сигбатуллы Сабировича Хамзина об организации мусульманских школ. Он указал, что в Екатеринбургском уезде существует 40 местностей с мусульманским населением (37 деревень и 3 завода). Во всех этих населенных пунктах, по его мнению, необходимо было открыть национальные училища. Там, где уже имеются русско-башкирские земские школы, их нужно преобразовать в двухклассные учебные заведения, а там, где их нет — создать одноклассные школы. Все означенные учебные заведения, по мнению Хамзина, должно было построить и содержать земство. Преподавание в них он предлагал вести на родном для населения языке, знание же русского языка для учителей считал необязательным. Хамзин предлагал ввести преподавание русского языка лишь в двухклассных училищах, и то, начиная лишь с четвертого года обучения. Одним из основных требований в докладе Хамзина было уравнивание преподавателей национальных школ во всех своих правах и уровне оплаты труда со всеми другими учителями. Их вознаграждение, а также приобретение необходимых для школ учебников и учебных пособий, по его мнению, должно было взять на себя земство. Все изложенные

вопросы, как считал Хамзин, были безотлагательными и требовали спешного осуществления, для чего необходимо было открыть при Екатеринбургской уездной земской управе мусульманский отдел с сотрудниками из мусульман [ГАСО, ф. 18, оп. 1, д. 70, л. 74].

Доклад С. С. Хамзина вызвал неоднозначную реакцию и даже недоумение у членов уездной земской управы. В докладе управы 36-му чрезвычайному земскому собранию говорилось, что «докладчик проектирует преобразование земских школ, то есть русско-башкирских школ, в мектебе, что, по мнению управы, является преобразованием высшего типа в низший, нормальных школ в школы грамоты» [Там же, л. 72]. Управа полагала, что вопрос об организации национальных школ следует отдать на разработку вновь создаваемым мелким самоуправляемым единицам — мусульманским волостным земствам. Они смогут рассмотреть его всесторонне и составить смету расходов на создание училищ. И лишь когда выяснится, что устройство школ непосильно для волостных земств, можно будет возбудить перед уездным земским собранием ходатайства об ассигновании на эти цели необходимых пособий. По той же причине члены уездной земской управы не поддержали и предложение Хамзина о создании при управе мусульманского отдела. Дело создания национальных училищ, таким образом, было отложено до создания демократически избранных органов управления мусульманскими территориями. Завершить эти преобразования, однако, земству не удалось. В марте 1918 г. уездные школы перешли в подчинение советских региональных органов управления, ставивших перед образованием иные цели и задачи.

Подводя итоги, можно отметить, что практика национально-образовательной деятельности Екатеринбургского уездного земства была вполне либеральной и не носила русификаторской направленности. Главную задачу земство видело в развитии просвещения среди населения неблагополучных в экономическом отношении районов. В общественной мысли того времени преобладало мнение о том, что образование является необходимым условием достижения материального благополучия. Оказывая помощь «новометодным» конфессиональным учебным заведениям, земство демонстрировало уважение к традиционному культу и историческому прошлому мусульманского населения и добивалось тем самым взаимодействия с местными общинами. Об этом говорит расширение сети земских русско-башкирских школ.

Источники

ГАСО — Государственный архив Свердловской области. Ф. 18. Оп. 1. Д. 70, 355.

Доклады Екатеринбургской уездной земской управы XX очередному земскому собранию 1889 года. Екатеринбург, 1890.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания IX очередной сессии (1878 г.) и доклады уездной земской управы. Екатеринбург, 1879.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания (1895 года) и доклады уездной земской управы и ревизионной комиссии. Екатеринбург, 1896.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXVIII очередной сессии (1897 года) и доклады уездной земской управы и ревизионной комиссии. Екатеринбург, 1898.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXIX очередной сессии (1898 года) и доклады уездной земской управы и ревизионной комиссии. Екатеринбург, 1899.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXX очередной сессии (1899 г.). Доклады собранию уездной управы и комиссии. Екатеринбург, 1900.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXXI очередной сессии (1900 года). Доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1901.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXXVII очередной сессии (1906 года) и доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1907.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания XXXVIII очередной сессии (1907 года) и доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1908.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания 43-й очередной сессии (1912 года). Доклады уездной управы и комиссий. Екатеринбург, 1913.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания 44-й очередной сессии 1913 года. Доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1914.

Журналы Екатеринбургского уездного земского собрания 46-й очередной сессии (1915 года) и доклады уездной земской управы и комиссий. Екатеринбург, 1916.

Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 года. Вып. VII : Оренбургский учебный округ. СПб., 1914.

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Пермская губерния. СПб., 1904.

Исследования

Азаматова Г. Б. Уфимское земство (1874–1917): Социальный состав, бюджет, деятельность в области народного образования. Уфа : Гилем, 2005.

Любичанковский С. В. Политика аккультурации средствами просвещения исламских подданных Российской империи: исторический опыт Оренбургского края (середина XIX — начало XX вв.). Оренбург : Изд. центр ОГАУ, 2018.

Миллер А. Империя Романовых и национализм: Эссе по методологии исторического исследования. 2-е изд., испр. и доп. М. : Новое литературное обозрение, 2010.

Павлюнова Р. Н., Старостин А. Н., Ярков А. П. Мусульманские общины Азиатской части Российской империи в середине XIX — начале XX в.: по материалам учетных ведомостей ОМДС. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018.

Тихонов А. К. Католики, мусульмане и иудеи Российской империи в последней четверти XVIII — начале XX вв. 2-е изд., испр. и доп. СПб. : Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2008.

References

Azamatova, G. B. (2005). *Ufimskoe zemstvo (1874–1917): Sotsial'nyi sostav, biudzheth, deiatel'nost' v oblasti narodnogo obrazovaniia* [Ufa Zemstvo (1874–1917): Social Composition, Budget, Activities in the Field of Public Education]. Ufa: Gilem.

Lyubichankovsky, S. V. (2018). *Politika akkul'turatsii sredstvami prosveshcheniia islamskikh poddannyykh Rossiiskoi imperii: istoricheskii opyt Orenburgskogo kraia (sередina XIX — nachalo XX vv.)* [The Policy of Acculturation by Means of Enlightenment of Islamic Subjects of the Russian Empire: The Historical Experience of Orenburg Region (Mid-19th — Early 20th Centuries)]. Orenburg: OSAU Publ. Center.

Miller, A. (2010). *Imperiia Romanovykh i natsionalizm: Esse po metodologii istoricheskogo issledovaniia* [The Romanov Empire and Nationalism: An Essay on the Methodology of Historical Research] (2nd ed.). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Pavlinova, R. N., Starostin, A. N., & Yarkov, A. P. (2018). *Musul'manskie obshchiny Aziatskoi chasti Rossiiskoi imperii v seredine XIX – nachale XX v.: po materialam uchetykh vedomostei OMDS* [Muslim Communities of the Asian Part of the Russian Empire in the Mid-19th – Early 20th Centuries: With Reference to OMDS Records]. Kazan: Kazan University Press.

Tikhonov, A. K. (2008). *Katoliki, musul'mane i iudei Rossiiskoi imperii v poslednei chetverti XVIII – nachale XX vv.* [Catholics, Muslims and Jews of the Russian Empire in the Last Quarter of the 18th – Early 20th Centuries] (2nd ed.). St Petersburg: St Petersburg University Press.

Дашкевич Людмила Александровна

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Центра методологии и историографии
Института истории и археологии УрО РАН
620092, Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16
E-mail: ldash54@mail.ru

Dashkevich, Liudmila Aleksandrovna

Dr. Hab. (History),
Leading Researcher
Centre for Methodology and Historiography
Institute of History and Archaeology UB RAS
16, S. Kovalevskaya Str.,
620990 Yekaterinburg, Russia
Email: ldash54@mail.ru
Scopus AuthorID: 57195678022